

ской «Поэмы без героя». Сопоставление культурологических концепций символизма и акмеизма легло в основу доклада канд. филол. наук Н. Г. Полтавцевой «Культурологическая функция вечных образов в творчестве Ахматовой». Н. Г. Полтавцева подчеркнула, сколь тесно связана была полемика символизма и акмеизма с общей духовной ситуацией начала века, с крушением традиционной системы ценностей, образованием того хаоса, который пытались осмыслить и символисты, и акмеисты, и философы идеалистической традиции; она подчеркнула также, сколь тесно была связана попытка акмеизма с помощью культуры «собрать» разламывающийся мир — с эсхатологическими предчувствиями, столь важными для самого воздуха «десятилетий годов». Она отметила также, что к традиционным «вечным образам» в поэтическом мире Ахматовой добавляется образ Пушкина, что образы поэтов-современников включаются Ахматовой через поэзию в вечность культуры.

Об Ахматовой и ее современниках разных поколений, о сложном взаимодействии ее лирики с очень разными художественными мирами отечественной культуры XX в. говорили на конференции д-р Н. Салам (Венгрия) («Ахматова и Анненский»), А. А. Саакянц («Ахматова и Цветаева»), канд. филол. наук В. И. Сахаров («Ахматова и Булгаков»), Р. В. Дуганов («Ахматова и Хлебников»), Н. Г. Прозорова («Анна Ахматова и Александр Блок»), М. М. Кралин (Ленинград) («Ахматова и Николай Недобровов»). Кандидат филол. наук С. А. Коваленко высказала предположение о генетической связи одной из сюжетных линий «Поэмы без героя» с поэмой «Про это» В. В. Маяковского. Т. Хмелян (Ереван) выявил в ахматовских переводах из Е. Чаренца, сделанных в конце 1930-х годов, реминисценции из цикла О. Э. Мандельштама «Армения» (1930). Канд. филол. наук М. К. Кшондзер (Тбилиси) говорила о творческих связях Ахматовой с миром грузинской культуры.

К теме «Ахматова и ее современники» тяготел доклад д-ра филол. наук И. А. Бернштейн о скрытых циклах в лирике Ахматовой. И. А. Бернштейн указала на сквозные мотивы, позволяющие соотнести стихотворение с тем или иным адресатом (таков, например, мотив взгляда в стихах, посвященных А. А. Блоку, мотив кольца в стихах, связанных с Б. В. Анрепом). И. А. Бернштейн высказала также убеждение в том, что по цельности и внутреннему трагизму ахматовский цикл «Шиповник цветет» может быть сопоставлен в отечественной поэзии с «денисьевским циклом» Ф. И. Тютчева.

Еще одной «сквозной темой» конференции стала тема широчайшего культурного контекста ахматовской поэзии, принципиальная важность постоянной реминисцентной переключки с мировой куль-

турой для самого ее творческого метода. Об этом, в частности, говорил д-р А. К. Жолковский (США) в докладе «Структура и интертекст. Проблемы цитации у Анны Ахматовой». Он указал, что путь к «аллюзивным лабиринтам» «Поэмы без героя» начинается на первых страницах «Вечера» (1912), и подробно проанализировал принципы цитации у Ахматовой 1910-х годов при сопоставительном анализе стихотворения «Смуглый отрок бродил по аллеям» (1911) и стихотворения А. С. Пушкина «Отрок» (1830). Кандидат филол. наук С. А. Небольсин в сообщении «Пушкин, Блок и Ахматова» указал, что помимо финальных стрóf «Реквиема» трагически переосмысливающих традиционную, идущую от Горация, Державина, Пушкина тему «Памятника», в творчестве Ахматовой есть, по-видимому, и второе обращение к этой теме: перевод из древнеегипетской поэзии «Прославление писцов» (1965). Само это сопоставление показывает огромность культурного контекста ахматовской поэзии.

Естественно поэтому, что речь на конференции шла не только о современниках, но и о «вечных спутниках» поэта. Отметив закономерность самого интереса к образу Данте русской поэзии середины XX в., канд. филол. наук Р. И. Хлодовский говорил о том, сколь полно самая ткань ахматовской лирики «впитала горечь» терцин Данте, сколь трудно выявить некоторые реминисценции без обращения к ахматовским черновикам. Об ахматовском «интересе, граничащем с наваждением» к творчеству М. Ю. Лермонтова говорила канд. филол. наук И. Е. Усокина. Б. Непомнящий (Брянск), указав на плотность тютчевских реминисценций в ахматовской поэзии 1936—1940 гг., предположил, что в лирике этих лет присущее Ахматовой «пушкинское» чувство нерасторжимой связи с прошлым борется с «тютчевским» мотивом «пережитой жизни», безвозвратности исторического времени, забвения.

Теме «Пушкин и Ахматова» были посвящены несколько докладов. М. И. Фейнберг-Самойлова подчеркнула, что говорить об Ахматовой — исследовательнице Пушкина невозможно, не говоря об Ахматовой — последовательнице Пушкина, что многие строки ее пушкинистики — еще и автокомментарий к собственным стихам. М. И. Фейнберг-Самойлова подробно рассказала о вкладе А. А. Ахматовой в академическую пушкинистику, отметила, что не только тонкость интуиции, глубина проникновения в текст, великодушное умение читать черновики, но и точное понимание духа пушкинской эпохи, понимание ее этики «изнутри» делают столь ценными работы Ахматовой. Доктор Г. Скьяффино-Барилли (Италия) высказала предположение, что выявление генетических связей творчества Пушкина с психологической прозой Б. Констана, с арабской легендой,